

Копия.

**Всеподданейший отчет военного губернатора Семиреченской
области военному министру гор. Верный. 4 марта 1917 г.**

... Причины недовольства кочевников остаются в точности еще не выясненными, но, несомненно, одной из главных явилась широкая колонизация Семиречья русским элементом, повлекших за собою стеснения прежнего обилия земли и воды. Особенно остро складывалось недовольство киргиз новоселами там, где сами кочевники исподволь приобрели некоторые признаки оседлости, но где, тем не менее, «самовольцы» старались устроиться, привлекаемые качествами почвы и относительным обилием полива.

... Возникшая в 1906 году Семиреченская переселенческая организация, оказалась вынужденною в течении трех ближайших лет разместить до 40.000 «самовольцев» в пределах преимущественно Пишпекского, Верненского и Пржевальского уездов. Само собою разумеется, что лихорадочная и спешная работа по приисканию удобных участков для подобной массы претендентов на землю не могла быть осуществлена с должной методичностью. К тому же «самовольцы», чувствуя за собою, как всякая масса, известную сплоченность и силу, усложняли работу организации, не соглашаясь на предложение идти на указанные им участки, а требовали землеустройства там, где им самим хотелось. В результате землеустроительные работы переселенческой организации в первые годы ее деятельности обезземелили многие киргизские хозяйства не только в смысле их стеснения, но и более решительными приемами; были случаи изъятия наиболее ценных земель, вопреки статьи 125 Степного Положения, при одновременном смещении киргиз на земли неудовлетворительные; применялись способы повторных изъятий излишков и т.д. ... Необходимо добавить, что переселенческие работы шли в эти годы в Семиречье с одной стороны ощупью, так как тщательных предварительных исследований и

плановых материалов не было, а с (л.2) другой – стихийно форсировано, потому, что самовольцы не хотели, да и не могли ждать планомерно вырабатываемых оснований колонизации: не хотели потому, что настроение их было весьма повышенным после памятных 1905-1906 годов, а не могли потому, что живя без собственной земли, в известной экономической кабале от туземцев, он справедливо тяготились такую зависимость, а многие и прямо бедствовали, так как случаи грубых нарушений никем не оформленных и потому зыбких договоров со стороны киргиз были очень часты.

... Частные вспышки недружелюбных взаимоотношений между новоселами и туземцами стали хроническими.

Однако, бесспорная гибкость характера киргиз и их податливость давали полную надежду, что с течением времени шероховатости эти сгладятся, тем более, что при новых условиях киргизы все-таки могли экономически окрепнуть, заменив чисто скотоводческое хозяйство и кочевой уклад жизни хозяйством и бытом полуземледельческим и, в особенности вследствие того, что подобная эволюция коснулась только волостей, которые кочуют вдоль предгорий, волости же, кочующие в горах и в прибалхашских степях, остаются почти совершенно в стороне от переселенческого вмешательства. (л.3).

... 1915 год, принесший русскому оружию известные неудачи на западном фронте, повидимому возымел некоторое влияние и в Семиречье.

Повторные наборы ратников и новобранцев, вывод войск из области и тому подобные явления, как можно полагать, породили среди киргиз мысль, что враги России очень сильны. К тому прибавилось известное «тыловое» утомление, несомненно ощутительное у киргиз, лично не принимавших участие в войне и не заинтересованных кровью и жизнью в её исходе.

Были и другие причины, вызвавшие брожение среди туземцев и в числе их на первом месте стоит агитация, во первых, некоторые элементы из соседнего Кульджинского района, а, во вторых, и агентов Германии, но положительные данные по этому вопросу не могут быть приведены с достаточного полностью. Фактически установлено, однако, что наиболее организованный мятеж вспыхнул там, где кульджинские и кашгарские выходцы имели более тесные отношения с русскими туземцами, а именно на Каркаринской ярмарке, в гор. Пржевальске и в торговом местечке Токмак. Здесь же наиболее крепка связь семиреченских туземцев с мусульманами коренных областей Туркестана, влияние которых на первых сыграло, без сомнения, также не малую роль, особенно после беспорядков в Ташкент, Джизаке и иных очагах июльских возстаний.

В отчетном году появление пришлых иноверцев в Семиреченской области было тем более понятным, что обширная культура мака для добывания опиума, внезапно возникшая в уездах Пишпекской, Пржевальском и Джаркентском привлекла тысячи кульджинских выходцев, а их работы по орошению долины р. Чу и по постройке Семиреченской железной дороги были допущены сарты из Кашгара.

Ближайшим же поводом и возникновению беспорядков послужило неправильно понятое распоряжение и призыве туземцев на работы в тылу армии.

Распоряжение это, объявленное в Семиречье 1 июля отчетного года, застало всю область врасплох. Неподготовленные к новости туземцы сильно растерялись и приуныли. Разъяснения администрации сознательно или бессознательно, но плохо понимались. Ложное убеждение, что рабочие будут направлены на самый фронт, на линию окопов, привилось в степи настолько быстро и настолько крепко, что о решительном воздействии на умы кочевников некоторое время не могло быть и речи. Необъяснимая паника охватила все уезды. Одни волости пытались с места броситься в

Китай, другие стремились уйти в пески к Балхашу, третьи со стадами и всем своим добром забирались в трудно доступные ущелья гор.

Брожения среди туземцев продолжалось весь июль (л. 4)

... Многие волости предоставили приговора о назначении рабочих в тыл армии, но составление списков призываемых почти везде вызвало сборы и партийные распри, так как масса во многих случаях, особенно под влиянием женщин, противилась, прибегая даже к угрозам тем лицам туземной администрации, которые настаивали на составлении списков.

... Этим моментом воспользовались некоторые влиятельные туземцы, которых вынесла на верх волна общего разстройства. Решивши, быть может, что Россия ослаблена войною, что Семиречье обездолено охраной и настало время использовать наступившую разруху для уничтожения русской власти в крае и на руинах последней создать новое киргизское ханство, - они очертя голову, подняли возстание.

Молва указывает, что решимость главарей созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддержали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев. Официально молва эта не подтверждается, но что германские агенты питали некоторые надежды на туркестанских инородцев, то об этом имеются достоверные указания в сообщениях наших Консулов из Кашгара и Кульджи. Имеются также указания на причастность и беспорядкам в Семиречье китайских анархистов, проникших сюда в числе других выходцев из Кульджинского района, привлеченных опиумным делом.

... Повсюду в области рекомендовано было формировать особые дружины. К сожалению, не только в деревнях, но даже и в городах не было возможности в нужной мере вотружить эти дружины, хотя для этого были использованы все небольшие запасы казенных складов и реквизированы все

оружие и боевые припасы у частных лиц. Недостаточность вооружения особенно сказалась в Пржевальском уезде (л. 5), который благодаря этому и наиболее пострадал от мятежа.

Открытое выступление мятежников началось 3 августа к востоку от гор. Верного в пределах Кызылбурновской волости, Верненского уезда, нападением на стоянку Помощника Уездного начальника Хлыновского, составлявшего с должностными и почетными лицами волости призывные списки.

... Для усмирения возстания уже 7-го августа из Верного выступили оконченные отряды пехоты и казачью сотню, которые внезапным своим появлением и решительным действием быстро рассеяли бунтовщиков. Часть их через горные перевалы бежали в Чуйскую долину, часть же устремилась к озеру Балхашу, в страхе бросая свои юрты, скот и имущество. К 18 августа мятеж в Верненском уезде был ликвидирован и массовые нападения киргиз на русских прекратились.

Более серьезным по своим последствиям было возстание каракиргиз в южной части области, где оно имело характер некоторой организованности.

Зачинщиками мятежа явились Сарыбагышевская и Атекинская волости, Токмакского участка, Пишпекского уезда, образованные потомками известного в истории Семиречья своим упорным сопротивлением водворению русской власти в Чуйской долине манапа Джантая (л. 6). Пользуясь громадным влиянием среди кара-киргиз, джантаяевцы без труда привлекли на свою сторону родственные им волости, входящие в состав Токмакского участка, а также соплеменников своих, кара-киргиз рода «богу» занимавших котловину озера Иссык-Куля и окружающие его горы в Пржевальском уезде и в южной части Джаркентского. Переговоры велись настолько осторожно и тайно, что они ускользнули от внимания не только местного русского населения, но и самых опытных агентов полиции.

Враждебные действия «сарыбагыши» начали с 8 августа внезапным наказанием на переселенческое селение Ново-Российское, расположенное в глубоком ущелье реки большого Кебена. К вечеру селение это было сожжено, за исключением трех домов, в которых собрались сельчане и храбро отбивались от наказания мятежников. Имущество новороссийцев было разграблено, а скот угнан.

Имеются указания, что «сарыбагыши» совершили в этот день традиционную «бату», т.е. клятву на право животных и рабочих не выставлять, а лучше умереть в борьбе с русскими, к которой усиленно склонять всех киргизов». Здесь же, как показывают бывшие в плену крестьяне по древнему обычаю поднят был на белой кошме и провозглашен ханом манап Мокуш Шабданов, внук Джантая, незадолго перед тем возвратившегося из паломничества в Мекку и Константинополь.

Девятого августа пожар возстания охватил всю территорию, занятую кочевьями кара-киргиз в бассейнах реки Чу и озера Иссык-Куля. Мятежники захватили почтовый тракт из г. Пишпек на Пржевальск и от селения Рыбачьего на укрепление Нарынское; сожгли по тракту мосты; разрушили телеграфную линию, ограбили и сожгли все почтовые станции и выставили по дорогам наблюдательные отряды. При появлении русских их грабили и убивали, допуская всевозможные издевательства над трупами; женщин и детей уводили в плен. Одной из шаяк, выставленных «сарыбагышами» при выходе из Буамского ущелья в котловину озера Иссык-Куля, посчастливилось устроить засаду высланному в гор. Пржевальск транспорту винтовок и боевых патронов и, перебив конвой, захватить этот транспорт. Часть этой добычи немедленно была переслана в волости «богинцев». Поощренные таким успехом мятежники смело бросились на русские селения и начали угонять бывших на выпасе скот, убивать и уводить в плен жителей, захваченных в поле на работах.

Исправлявший должность начальника Пишпекского уезда подполковник Рымшевич при первом известии о движении «сарыбагышей» прибыл в селение Токмок, спешно организовал защиту этого многолюдного торгового пункта из находившихся здесь чинов конного запаса и сформированной вольной дружины и, выслав небольшой конный отряд под начальством Участкового Пристава на помощь угрожаемой мятежниками, расположенной у подножья гор к востоку от Токмока, казачьей станицы Семеновской, сам во главе 26 конных солдат поспешил (л. 7) в расположенные в юго-восточном направлении крестьянские переселенческие селения Бело-Пикетское, Быстрорецкое и другие. По дороге у отрогов гор Малого Кебеля отряд Рымшевича неожиданно окружила банда мятежников численностью до 300 человек, но встречные метким, частым огнем банда эта была рассеяна и отброшена в горы. Жители переселенческих селений беспрепятственно были выведены в Токмок.

Столь же успешно было отражено первое нападение мятежников на станицу Семеновскую, а пришедший туда на следующий день из Верного, через перевал Кастек, отряд казаков под командою сотника Величкина, отбросив осаждавших в горы, очистил на время долину р. Чу от мятежников и розыскав убитых в поле крестьян и бывшей на проведении арыка рабочей партии инженера Васильева, похоронили их.

... С 14 по 22 августа мятежники осаждали Токмок, предпринимая ежедневно с семи часов утра до девяти вечера атаки с разных сторон. ... 20 августа атаки мятежников были настолько яростны, что не смотря на огонь пулемета, сметавший целые ряды, они три раза бросались на приступ и только благодаря хладнокровию и мужеству защитников не имели успеха.

Причины проявленной нападшими нервозности скоро выяснились. На рассвете 22 августа к Токмаку подошел высланный из Ташкента отряд подполковника Гейцига из трех родов оружия. Около 9-ти часов утра мятежники собрались большими силами и снова бросились на приступ со

всех сторон, но встреченные сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, были отброшены и разогнаны понеся громадный урон и видя дело свое проигранным, они обратились в поспешное бегство по направлению высоких Сыртов в горах южного берега озера Иссык-Куля ... (л. 8)

Девятого августа шайка в полторы тысячи кара-киргиз Каракичинской загорной волости неожиданно напало на образованное в Джумгальской долине переселенческое селение Белоцарское, разграбили и сожгли его, а жителей перебили. На следующий день мятежники убили заведовавшего полицейской частью в загорных волостях Меньщикова, разграбили и уничтожили гидрометрическую станцию и перебили всех бывших на работах техников, а семьи их увели в плен. Бывший при Меньщикове небольшой конвой в течении 9 суток выдерживал осаду, но на девятый, мучимый голодом, сдался и был уничтожен ...

В те же числа, 9 и 10 августа, началось открытое выступление кара-киргиз в Иссык-Кульской котловине и шло быстрою волною с запада на восток ...

Вооруженное нападение на русские селения «богинцев» были особенно неожиданы как для местных жителей, так и для администрации. Все волости еще накануне заверяли в полной покорности своей правительству и составляли списки рабочих, подлежащих отправке в тыл армии. Усыпив при этом общую бдительность, мятежники имели временный успех и причинили большие бедствия. Нападение на селения всюду сопровождалось угоном скота, грабежом жилищ, пожаром и зверскими убийствами; женщин насиловали, а затем убивали или уводили в плен. Захваченное врасплох сельское (л. 9) население в большинстве случаев даже не пыталось оказать сопротивление. Под влиянием панического страха оно бросало дома, имущество, даже близких родных и спешило спастись бегством в более многолюдные селения и в гор. Пржевальск. Но на дороге беженцы

наталкивались на рыскавшие всюду шайки бунтовщиков, которые их готовили, убивали мужчин, уводили в плен женщин и детей, а оставленные жилища грабили и поджигали. Были случаи злоупотребления мятежниками белым флагом. В селении Озерно-Фольбаумовском, на севере берега озера, поверив обещаниям киргиз жители сдались без сопротивления и немедленно мужчины были перебиты, а женщины и дети уведены в горы. В селении Кольцовке, на южном берегу озера, в день нападения на него мятежниками находился по делам службы помощник уездного начальника Каичев, который видя невозможность сопротивления, имея в конвое только десят солдат с небольшим запасом патронов, вступил с нападавшими в переговоры о свободном пропуске его с жителями селения в город Пржевальск. Мятежники согласились на пропуск и Каичев приказал запрячь телеги и, захватив всех жителей, тронулся в путь, но не успел отойти двадцать верст как был настигнут шайкою мятежников и убит. Та же участь постигла и большую часть его спутников; остальные уведены в горы, за исключением нескольких человек, которым удалось скрыться в протянувшихся по сторонам дороги густых зарослях облепихи. Жители из других селений южного берега озера добрались до города более благополучно, хотя и не без урона в людях. Особенно варварской была расправа диких «богинцев» с небольшой кучкой беженцев искавших спасения на ферме сельскохозяйственной школы в 15-ти верстах от Пржевальска. После неудачной политики захватить засевших в здании фермы открытою силою, мятежники угнав предварительно весь школьный племенной скот и разграбив, что было возможно, подожгли здание.

Прибывшему из города отряду милиционеров пришлось ограничиваться только увозом и похоронами изуродованных трупов убитых. На северном берегу большая часть беженцев сконцентрировалась в многолюдном сторожильском селении Сазановка и, поддержанная небольшим отрядом милиционеров из города, семи дней отбивалась от

яростных атак кара-киргиз, пока не подошли войска. Селение Сазановка к этому времени было уже сожжено.

... Горожане (Пржевальска. – Ред) сами охвачены были паническим страхом, который поддерживался рассказами толпами прибывших в город беженцев о чинимых бунтовщиками зверствах и о намерении их напасть на Пржевальск. Опасение такого нападения еще более усилилось, когда стало известным, что дунгане селения Мариинского, считавшиеся вполне мирными жителями, присоединились к мятежникам и помогают им ловить по дорогам и убивать беженцев. (л. 10)

... 25 августа сотня Угреникова подкрепленная отрядом милиционеров, выступила в покинутые жителями селения южного берега озера, чтобы подобрать отдельных жителей, скрывшихся ... в зарослях облепихи. Заседание это выполнено успешно причем, следуя обратно горами отряд натолкнулся на большие скопища мятежников, рассеял их и освободил много пленных.

... Теснимые с трех сторон мятежники (на Иссык-Куле – Ред.) искали спасения в бегстве: одни – по высоким Сыртам южного берега озера в Кашгарскую провинцию Китая, а другие по северному берегу озера через Каркару и верховья р. Текеса в Кульджинский Край. Первые достигли своей цели почти безпрепятственно, так как высокие горные перевалы и глубокие ущелья, через которые бежали мятежники, препятствовали быстрому их преследованию; только банды, бросившиеся в Кочкорскую долину и к озеру Сон-Куль, были настигнуты воинским отрядом и примерно наказаны. Значительная часть угнанного ими скота была при этом отбита. Мятежники же, бежавшие по северному берегу Иссык-Куля, несколько раз задерживались карательными отрядами, около селения Преображенского, в Кенсуйском ущелье, на Каркаре, около выселка Охотничьего и достигли Китайской границы с большим трудом, имея большие потери как в людях, так в отбитом у них скоте ... (л. 11)

... Вероломно неожиданные нападения на русские селения, сопровождавшиеся зверскими убийствами и изуродованием трупов, насилие и издевательства над женщинами и детьми, варварское обращение со взятыми в плен и полное разрушение нажитого тяжелым, многолетним трудом благосостояния с потерей во многих случаях и домашнего очага в сильной степени озлобило против них русское население. Лишь только панический страх пред грозившею опасностью прошел и оно почувствовало свою силу, явилась жажда мести и самосуда, при котором, конечно, не учитывалось – причастие ли данное лицо к мятежу или нет. Особенно жестоки была самосудная расправа в Пржевальске с жившими в городе дунганами Мариинской волости. При первом известии, что односельчане их присоединились к мятежникам, почти все городские дунгане были перебиты, а имущество их разграблено. В селениях Преображенском и Теплоключенском, Пржевальского уезда, жертвами самосуда разсвирепевших крестьян, по недоразумению, были совершенно не причастные к мятежу мусульмане – торговцы, пришедшие с отрядом ротмистра Кравченко с Каркаринской ярмарки и мусульмане – разночинцы из селения Сазановского. В селении Беловодском Пишпекского уезда, толпа самосудно расправилась с киргизами, арестованными во дворе Волостного Правления.

Местные полицейские власти были не силах предупредить эти печальные явления как по совершенной неожиданности их, так и за неимением нужных для сего средств, но судебные власти начали уже расследование и виновные в самосуде лица понесут назначенное законом наказание.

Надежды кочевников благополучно переселиться (л. 12) в Китайские пределы не оправдались. Те полчища, которые направились в Кашгар, как выяснили позднейшие рекогносцировки, вследствие рано наступивших холодов, сопровождавшихся снежными бурями и отсутствием поэтому

подножного корма, потеряли на сыртах почти весь свой скот и пришли в Китайские пределы совершенными бедняками. Мятежники, укочевавшие на Текес, прогнали свой скот более благополучно, но и здесь наступившие холода с выпавшим глубоким снегом при отсутствии запасов корма вызвали среди стад большой падеж.

Китайские власти отнеслись к беглецам индифферентно, но нисший класс населения встретил их очень недружелюбно. Кочевые калмыки обрадовались легкой наживе: отобрали у беглецов скот, имущество и даже женщин, а затем начали гнать их обратно в наши пределы. Поставленные в безвыходное положение и терпя крайнюю нужду во всем, мятежники изъявили покорность.

Вызванная восстанием убыль кочевого населения в области определиться с точностью только при предстоящем переэсчете кибиток, к январю же 1917 года она приблизительно исчислена в 38 тыс. кибиток с населением свыше 150 тысяч душ обоего пола ...

... Нападением мятежников, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек, подверглись 94 селения, в которых сожжено и разрушено 5373 двора. В селениях, на полях и по дорогам убито 1905 душ обоего пола, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105. Незначительное число пленных и считавшихся пропавшими без вести обнаружено в последнее время в Кашгаре и Кульджинском районе и возвращены, но судьба большей части продолжает оставаться неизвестной. В рядах действовавших против мятежников военных отрядов потери определились в 171 человек, из них: убито – 3 офицера и 53 нижних чина, ранено 41 нижних чин, остальные пропали без вести ... (л. 13)

... В Пржевальском уезде киргизский скот, насчитывается к 1916 году в 2, 327, 472 головы может считаться весь погибшим. В остальных уездах, где

насчитывалось свыше 6 млн. голов, убыль определена, по предварительным данным, в 30 % ... (л. 14)

Подписал: и. д. Военного Губернатора, Полковник Алексеев.

РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4526. Л. 2-14.